

[П/П: Deus Ex Machina – латинское «рояль в кустах».]

Попытки обратить смерть – это табу. Это было тем, что он понял в тот злополучный день, пытаясь вернуть свою мать к жизни. Ему это не удалось, и в результате этого часть её была потеряна навсегда. Для людей считалось нормальным, когда ребёнок оплакивал свою маму. Да и в целом оплакивать чью-то смерть было чем-то естественным.

Но когда ребёнок пытался вернуть к жизни умершую маму, его клеймили монстром или безумцем. Это было тем, что он бы никогда не узнал, если бы кто-нибудь не сказал об этом. Но даже услышав эти слова, в глубине души он не мог понять, что в этом могло быть ужасного. Ну, вероятно, он был монстром, отринувшим рациональность.

Ему ещё предстояло постичь это.

Негодование и сострадание в глазах отца, увидевшего препарированное тело своей жены, а также его ребёнка, проводившего эту операцию.

Сила, с которой брат безмолвно обнял неподвижно стоявшее дитя.

И слёзы молочной сестры, вцепившейся в него и горько рыдавшей.

Он, быть может, всё ещё не понимал это, но выучил урок и поклялся.

Это был грех.

Грех, заставивший печалиться отца, брата и её.

Поэтому больше он не будет пытаться нарушать границу между живыми и мёртвыми...

Однако...

□

— Вик... Эй... Ты как?..

□

Теперь эта девочка на его же глазах лежала, раздавленная обломками.

— ...Лерче, — слетело с его уст голосом, казавшимся слишком чуждым.

В горле пересохло, и он задыхался из-за пыли в воздухе. Взрыв от снаряда раскрошил бетонные стены базы на передовой. Таков был результат прямого попадания 155-мм снаряда Скорпиона, мощности которого было достаточно для уничтожения Барушки-Матушки и укрепленного бетонного бункера.

Она была раздавлена куском стены, размеры которого были больше её десятилетнего тела. Её словно разрубило пополам. Сырой, незнакомый запах щекотал ноздри, знающие только стерилизованные запахи дворца. Липкая субстанция вытекала из-под обломков... Кровь.

Несмотря на мучения из-за невообразимой боли, исходящей из нижней половины тела, на окровавленных губах на бледном белом лице разыгралась яркая улыбка.

— Слава Богу.

— ...П-почему?..

Он сразу же пожалел, что его вопрос прозвучал в то же мгновение, когда она пыталась что-то сказать. Это были её последние слова. Их ни в коем случае нельзя было пропускать или прерывать. Но он уже не мог остановить себя.

— Почему ты защитила меня?.. Под этим куском бетона должен быть я!..

Лерче была погребена под местом, где он стоял за мгновение до разрушения. Он знал, – он не мог не знать, – что это она толкнула его. Было ли это из-за того, что он был королевских кровей? Потому что так велел её господин? Она правда выкинула собственную жизнь, зацепившись за такую глупость?..

— Что значит «почему»?..

Склонив голову, Лерче болезненно улыбнулась. Словно бы удивившись, что он до сих пор этого не понял.

— Вик, ты самый важный человек в моей жизни...

— !..

Эту девочку уже с рождения определили его прислужницей на всю оставшуюся жизнь. Жизнь ребёнка была продана в тот самый момент, когда её мама стала его кормилицей. Это касалось и её лояльности и испытываемых ею чувств к нему. Она должна была знать об этом.

И всё же Лерче улыбалась. Не жалея ни о чьих намерениях, её взгляд помутился из-за потери крови и казалось, словно она мечтала о чём-то.

— Знаешь, Вик, я, может, из крепостных, но свою страну люблю. Я люблю продолжительные зимы и расцветающую весну в ней, лето и осень. Здесь я родилась. И здесь я жила рядом с тобой.

— Так что прошу... — произнесла Лерче, взглянув на него ничего не видящими мечтательными глазами. — ...продолжай защищать. Прошу, защищай наш дом.

— ...Да, я...

Что ещё он мог ей ответить? Хотя ему и нравились времена года в этой стране, но он не чувствовал к ней никакой привязанности. Не было чувства гордости или ощущения принадлежности к стране, в которой он родился и вырос. Но эта умирающая девочка, его одноклассница, его друг детства, его молочная сестра... Девочка продолжала оставаться рядом, несмотря на то, что остальные называли её игрушкой в руках цепной змеи.

Она всегда была рядом. Для него она стала второй натурой. И он никогда не думал, что потеряет её.

— Обещаю. Я защищу эту страну и её людей... Поэтому...

Впервые в жизни он испугался непоправимой утраты. Его больше пугал тот факт, что его оставляют позади, чем её смерть – этот эгоизм, хладнокровие собственного сердца, заставляли дрожать от ужаса.

Тогда-то он и понял, что является не человеком, а бессердечной гадюкой, пожирающей людей. И он ничего не мог поделать с желанием вновь совершить ошибку, которую поклялся никогда больше не повторять.

— Поэтому, Лерче... Ты будешь рядом со мной?

«Не оставляй меня.»

Лерче широко раскрыла глаза. Будь в них хоть намёк на колебание или страх, он, быть может, сдался бы. Но преданная девочка кивнула. Она с улыбкой на лице преподнесла свой труп ему, принимая его эгоистичное желание превратить её в живого мертвеца.

— Буду...

□

«Мой одинокий принц-сама.»

Таковы были её последние слова.

†

Проснувшись, Вика встретил типичный вид на толстые бетонные стены, искажающие восприятие времени. За эти три дня он уже привык к тускло освещённому помещению, наполненному силуэтами в фиолетово-чёрной форме Объединённого королевства, в форме цвета стальной синевы Союза и в форме цвета берлинской лазури Республики. Душный воздух из-за минимальной вентиляции был причиной воцарившейся атмосферы уныния.

С начала осады прошло уже три дня, и они уже были на пределе. Вик вздохнул, возможно, из-за приснившегося странного сна.

Он находился на огневой точке передовой, прямо как и тогда – правда, та была гораздо меньше, да и оборудована куда скуднее, чем нынешняя. Объединённое королевство считалось милитаристской страной, а линия Идинарок была её вершиной. Они выходили в качестве авангарда на поле боя и всегда на передовую, чтобы научиться этому.

Всё произошло тогда, когда его отправили на южный фронт, не изменяя традициям. Так было не из-за того, что Виком пренебрегали. На войну в равной степени отправили служить всех, кроме короля и наследника, стоящего выше всех в престолонаследии. В битве погибли все: его дядя, королевский принц; один из старших братьев Вика, также принц; сестра, принцесса, старше его на пять лет; младшая кузина, также принцесса.

Поскольку спал он прислонившись к стене, всё его тело одеревенело, поэтому встав на ноги, он потянулся. Вик искренне ненавидел эти тёмные, тесные помещения.

Они напоминали ему о её смерти.

— Лерче, — прошептал Вик это имя с пересохшим ото сна горлом.

Сделал он это, чтобы присоединиться к искусственному нервному кристаллу, прикреплённому к девушке, возродившей её образ. Он был помещён внутри её тела, за шеей. Там, где никто не смог бы его удалить.

Ему никогда более не придётся её отпускать.

— Ты слышишь, Лерче?

Её ответ пришёл незамедлительно через синхронизацию:

— Конечно, Ваше Высочество... Каковы Ваши указания?

Сирины не спали. Их могли отключить вручную для более точных настроек механизмов или для обслуживания, но это несколько отличалось от сна живого человека. Искусственный мозг не вырабатывал химические вещества от усталости, а упорядочивать память им было не нужно.

Говоря простым языком, они не были людьми.

— Сначала рапорт. Каково ваше положение?

— Боезапас почти закончился, как и силовые установки. Мы потеряли сорок процентов наших Алконостов. Джаггернауты хоть и не понесли таких потерь, но... процессоры уже близки к пределу.

— Понятное дело. Атакующая сторона первая чувствует на себе истощение. С позиции и людских ресурсов, и припасов.

Атакующая сторона как правило проигрывала в подобных сражениях. Оборона находилась под защитой замка и имела у себя жилищные условия, тогда как другая сторона вынуждена спать на холодном открытом воздухе. Современные технологии, может, и поспособствовали более комфортному сну на улице, но им пришлось провести три дня на незнакомом заснеженном поле боя.

— Что насчёт местоположения подкрепления Легиона? Как далеко они продвинулись согласно разведке Ноузена?

— Вчера на закате они достигли точки Ларк и остановились.

— Ну, их продвижение до этой точки было в пределах ожиданий... Но, думаю, мне стоит снять шляпу перед Варгами Союза. Они неплохо держатся.

— Вы совершенно правы... Ещё кое-что...

Лерче, казалось, колебалась, прежде чем продолжить:

— ...Я полагаю, что больше всего вызывает беспокойство усталость Ноузена-доно. Он не может перестать слышать стенания даже во сне... Хотя он ничего и не говорит, но, боюсь, наше присутствие оказывает дополнительную нагрузку на него.

«Если всё так и будет продолжаться, он может сломаться.»

Вик кивнул, уловив следы беспокойства в её голосе.

— Думаю, придётся подумать о принятии контрмер во время нашего объединения с «восемьдесят шесть»... Я сам спрошу у него насчёт этого после того, как всё закончится.

Вик понял, почему Лена была так обеспокоена. Из-за нескончаемого напряжения безголовый Бог Смерти потерял способность воспринимать боль. У Шина не было в намерениях заставлять остальных печалиться, но он даже не понимал, что делает с точностью до наоборот.

— На нашей стороне также остро ощущается нехватка боеприпасов. Мы уже известили спасательные силы, чтобы они поторопились, но всё равно их прибытие займёт какое-то время... Мы уже на пределе.

Сегодня и прямо сейчас – переломный момент. Им оставалось лишь отбросить и сокрушить врага. К счастью, у них была возможность сделать это, поскольку вражеские пушки были в той же степени истощены.

— Нам нужно заканчивать. Продемонстрируйте им вашу доблесть и отвагу.

Лерче улыбнулась.

— Как пожелаете... И, Ваше Высочество?

— Хм-м?

— Прошу, будьте осторожны. Вскоре я присоединюсь к Вам.

Вик на мгновение широко раскрыл глаза. Оборвав синхронизацию, он взглянул наверх и безмолвно улыбнулся. Перед глазами был только тусклый искусственный потолок. И хотя девушки не было за ним...

— И как же ты до этого дошла, чёртова семилетка?

Он не проводил процедуру стирания памяти на Лерче. Она стала применяться после начала массового производства Сиринов, когда были созданы их прототипы. Поместив человеческое сознание с воспоминаниями о последних мгновениях в другое тело, оно потухнет и никогда более не сможет восстановиться. Стирание памяти начали делать как раз после того, как об этом узнали.

Лерче не подверглась этой процедуре, потому что она банально ещё тогда не существовала, однако сознание и её воспоминания о прошлой жизни с самого начала не передались телу. Вик тогда был ужасно разочарован и впал в отчаяние, но... в то же время он чувствовал облегчение.

Ведь в глубине души он боялся: что если она будет жаловаться... говорить ему, что на самом деле не хотела оказаться связанной таким образом? Ни воспоминаний, ни следа от её настоящей личности... и даже манера речи отличалась от той, что он знал. Но для него это было благословением.

Время от времени ему казалось, будто она всё помнила, но намеренно изменяла тон своего голоса и манеры. Чтобы Вик не оставался связанный узами с ней. Чтобы в этот раз он мог по-настоящему воспользоваться ей как инструментом и после сломать.

Ведь его молочная сестра была чрезвычайно беспокойной девчонкой. Её назойливость граничила с глупостью.

— ...Лерченлид.

«Этот мир уже не столь прекрасен. Весна вряд ли придёт в мир, где нет тебя. Но... ты всё же пожелала, чтобы я защищал его. И пока я помню об этом, мне кажется, что мы всё ещё можем встретиться.»

— Я сдержу своё обещание... Сейчас... и сколько бы ещё раз не потребовалось.

†

— Бог Смерти-доно.

Он уже знал, что это была она. Но Шин всё равно чувствовал себя некомфортно, когда слышал стенания призрака так близко. Они находились внутри контейнера, служившего в роли конференц-зала. Шин перераспределял на карте позиции Легиона, изменившиеся за ночь. Он поднял взгляд и посмотрел на Лерче.

— Вы рано. Я подумывала пойти и разбудить Вас.

— Чё случилось? — спросил он.

Он понял это только после того, как вопрос слетел с уст. Они были на поле боя, а сейчас наступило раннее утро, ознаменовавшее начало нового сражения. Не было ничего удивительного в опасениях, что случилось что-то непредвиденное, но его голос был слишком резок. Судя по всему, за эти три дня он стал более нервным, чем предполагал.

— ...Прости.

— М-м, всё в порядке.

Лерче мягко покачала головой. У неё не было и следа от усталости, а её лицо было всё таким же белоснежным.

— Устали все, но... Вы выглядите особенно уставшим. Вы слишком бледный.

— Ага...

Ему казалось, что он уже должен был привыкнуть, но нескончаемые стенания на протяжении целого дня сильно истощили его силы. К этому также стоило добавить холод, раздражение из-за бессмысленных вылазок и приближение к лимиту по времени... На самом деле всё же это было удивительно, что он смог проснуться так рано.

— Человеческое тело и вправду очень неудобно. Без сна эффективность падает, без еды пропадает возможность двигаться, а умереть можно даже от потери одной конечности. Будто бы оно изначально не было пригодным для войн. Хотя нет... Быть может, лучше было бы сказать, что война повлекла за собой тот факт, что человечество отстало.

Перво-наперво, за войной следовали потери жизней. Оглушительный рёв артиллерии, вибрация и жар от танков и фердресов, а также неиспользуемые ныне сверхзвуковые истребители... Человечество всегда стремилось нарастить броню, разрушительную силу и скорость, чтобы более эффективно рвать друг другу глотки, но постепенно оружие стало вредить своим владельцам.

Лерче продолжила свою мысль, имея механизированное тело – оно не чувствовало ни боли, ни голода, не испытывало потребности во сне и могло сражаться даже после потери конечностей до тех пор, пока двигательная система и центральный процессор оставались невредимыми:

— Разве не было бы лучше давным-давно доверить нам эту войну?

Шин взглянул на Лерче. Похоже, люди стали не более чем бременем для созданного ими же оружия. Такова была правда? Ведь ломкое человеческое тело служило сильным ограничением для маневренности оружия. Появлялась потребность в установке кабин, из-за чего увеличивались вес и размеры. Человек сам по себе, за исключением нервной системы, был простым мешком с жидкостью, весящим дополнительные несколько десятков килограмм. Только вот мозги, посылающие сигналы по этой нервной системе, притупятся из-за усталости и страха. В результате, человек был слишком уязвимым с позиции оружия.

Однако...

— Тогда мы будем... не лучше Республики.

Лерче моргнула; в этот момент она напоминала куклу, не понимающую, что ей говорят.

— Так ведь мы и правда не люди.

— Я не это имел в виду. Не имеет значение, сидит ли в оружии человек или нет. А вот посылать кого-то другого в битву и сбегать с поля брани, отбрасывая волю к сражению и доверяя судьбу в чьи-то другие руки... Это уже убого.

Таков был источник гордости «восемьдесят шесть» и самое большое отличие их от белых свиней. Дело было не в цвете волос или глаз, а в образе жизни. Жить на поле боя без пути к отступлению и полагаться только на собственное тело и товарищей. Никогда не отдавать свою судьбу в чужие руки. Это делало «восемьдесят шесть» теми, кем они являлись сейчас. Доказательство того, что они существуют.

Лерче внезапно хихикнула.

— ...Убого?

В её смехе отчётливо проскользнули нотки... насмешки.

Шин инстинктивно взглянул на Лерче – подняв подбородок, она засмеялась. Пока смех выходил из её глотки, глаза, однако, совсем не улыбались.

— Убого. Убого. Убого, да? Это и есть причина, по которой Вы сражаетесь?.. Всего лишь?

Она смеялась, а её глаза пылали яростным огнём ненависти.

— Из всех существующих причин Вы выбрали эту, потому что в ином случае это было бы убого? Вы выбрали жизнь на поле боя только потому, что не хотите чувствовать себя... убогими?

На губах Лерче разыгралась улыбка, похожая на распустившийся цветок.

□

— ...Вы хотя бы живы.

□

В похожем на птичье щебетание голосе также была какая-то вязкость. Голос погибшего человека... переполненный ненавистью и завистью.

— Вы будете жить. В отличие от нас, кто уже мёртв, Вы можете сколь угодно раз что-либо исправить. Можете даже начать с начала!

Шин был ошеломлён. Он замолк сразу после удара Лерче пламенным протестом. На губах была улыбка, но в её зелёных глазах пылал огонь. Способность Шина позволяла ему слышать голоса задержавшихся в этом мире призраков, всё время повторяющих свои последние мысли. Но он не мог слышать мысли их текущих механизированных тел, пересёкших границу смерти. Это касалось как молодого человека*, разделившего с ним родство, так и собственного брата.

[П/П: Странный какой-то момент. В 3 томе Шин точно услышал «мысли» Кири.]

Из-за этого Шин никогда и не слышал мыслей призраков людей после смерти. Эти эмоции... это была жгучая ненависть, направленная на всё ещё живых.

— Говоришь, что будешь и дальше сражаться, но при этом не собираешься отказываться от непригодного для этого тела? Не отказываешься от глаз, способных видеть других, от голоса, позволяющего говорить с другими, от рук, с помощью которых можно прикоснуться к другим, и от тела, благодаря которому можно оставаться рядом с кем-то. Ты хочешь быть с кем-то ещё... Ты хочешь найти счастье рядом кем-то ещё!

Её порицание прозвучало как крик. Про неё этого уже нельзя было сказать.

После смерти она больше не может жить рядом с кем-то. Не может стать счастливой.

«А ты, кому всё ещё было позволено это... Всё ещё живой... и так нагло говоришь о таком...»

«Как ты вообще посмел?»

Лерче улыбнулась. Весёлая улыбка. В то же время жуткая. Пылающая ненавистью.

□

— Ты всё ещё живёшь. Так как ты смеешь?

□

«У тебя ещё есть возможность найти совместное счастье.»

□

— ...

Лерче засмеялась... и словно плакала.

— Только мы должны умирать – те, кто уже давно погиб. Вы, люди, всё ещё живы. Всё некогда потерянное и отобранное вы можете вернуть себе.

У входа в контейнер вдруг появилась ещё одна тёмно-алая тень.

— Лерче.

Владельцем голоса, столь нежного, что напоминал кристаллизирующиеся снежинки, была Людмила. Высокая Сири с изящной внешностью и ярко-красными волосами, чей цвет был слишком далёк от натурального.

— Я всех собираю. Идут приготовления к предстоящей вылазке.

— Принято. Бог Смерти-доно, попросите все силы с Вашей стороны также начать готовиться.

— ...Все силы?

На подозрительный вопрос Шина Лерче вернула воинскую улыбку, не соответствующую лицу юной девушки.

— Я уже говорила Вам, что собираюсь известить в случае чего-либо, не так ли?.. Его Высочество отдал приказ. Мы переходим в наступление.

□

Очнувшись ото сна, первым она почувствовала зловонный запах, проникающий через ноздри. Запах пробудил те воспоминания, которые бы она хотела забыть. О моменте в далёком прошлом восемь лет назад... и свежие воспоминания о произошедшем год назад.

Запах расплавленного металла, горелой плоти, разложения органики и смерти. Запах останков умерших на войне, помещённые в заднюю комнату и постепенно разлагающиеся.

Встряхнув головой, Лена, всё ещё с ватной от усталости головой, встала. Просунув сначала руки в рукава одолженной формы цвета стальной синевы, она провела пальцами по волосам и вышла из маленькой комнаты. Фредерика, находившаяся с ней в одной комнате вот уже три дня, была по понятным причинам измотана и сейчас неподвижно лежала на кровати, укутавшись в одеяло.

Запах крови преследовал Лену, пока та шла по коридору. Зловоние смерти опустилось в

каждый угол этого подземного командного отделения.

Она уже даже не чувствовала какого-либо отвращения к нему.

Ведь нынешняя ситуация была куда лучше, чем двухмесячная оборона прошлой весной во время крупномасштабного наступления, когда большинство жителей Республики погибли. Лето выдалось очень жарким. Запах расплавленного металла, удушающее зловоние бесчисленных останков, которые не были даже забраны с поля боя. Казалось, этой обороне не будет конца.

Вскоре она привыкла к этому... научилась не обращать внимание. Люди в принципе привыкают ко всему и даже к тому, к чему они не приспособлены привыкать. Происходит это слишком просто.

Она вошла через дверь в командное отделение, прикусив розовые губы.

Что-то точно было не так. Весь состав сейчас сидел на своих местах, включая тех, кто должен был отдыхать. Их лица вовсе были искажены от стресса и напряжения, словно бы им приказали выпить яду. Будто им нужно было как-то набрать уверенности перед решающим сражением.

— Ч-что произошло? — спросила она, на что Вик косо на неё посмотрел.

— Проснулась-таки, Миризе... Ну, попробуй тогда разбудить Розенфольт и приготовься принять командование. Через час мы начинаем наступление на южную стену.

— Наступление? Кто отдал приказ?..

— Я, конечно.

Лена удивлённо посмотрела на него, а Вик беспечно пожал плечами.

— Мы уже на пределе. Если наши силы ещё больше будут истощены, то ни о каком ответном ударе и речи быть не может. Мы должны нанести удар прежде, чем они будут ступать по нашим трупам.

— Нападение вслепую приведёт только к ещё большим потерям. А потеря самообладания в такой момент будет смертельным...

— Иначе мы будем обороняться вслепую. Разница только в том, понесём мы потери сейчас или потом. Оборона приведёт нас к полному истреблению.

В минимизации потерь не было никакого смысла. Даже если они попытаются продержаться, до прибытия помощи никто не протянет. Вик горько улыбнулся.

— Миризе, нет смысла сейчас приукрашивать ситуацию. Я не впал в отчаяние и уж точно не решил поставить на чудо, которое поможет нам перевернуть наше положение с ног наголову. И это не значит, что нас загнали в угол... Мы всё ещё можем выйти победителями.

Но выражение его лица показывало, будто он только заметил, что дождь оказался сильнее, чем ожидалось. Лена не могла ему поверить. Он должен был уже понять ситуацию, в которой они оказались. Подкрепление не подоспеет вовремя, а оборона не продержится долго. Их единственным выбором было наступление. Но...

— Жертвы.

— Да, будут жертвы. И много жертв. Но, знаешь... по-другому никак.

□

— ...Что?

Оборотень среагировал на сигнал сенсоров, и Райден, нахмурившись, взглянул на Барушку-Матушку, выступившую из темноты ангара.

— Приказ Его Высочества. Все Кураторы должны выдвинуться к каждой оборонительной точке, — раздался голос мужчины на несколько лет старше Райдена из-под незапятнанной брони Матушки.

Этот голос он уже слышал несколько раз... один из Кураторов Сиринов.

— Как только отряд снаружи прорвётся через стены, вы присоединитесь к ним. Мы будем держать оборону в этом месте... Его Высочество – наш командующий на передовой, поэтому даже если мы – Кураторы, то также должны сражаться.

Услышав эту речь, Шиден усмехнулась.

— Мне нравится эта дерзость. Но мой отряд Брисингамен – личная стража Её Величества. Чёрта с два я оставляю её защиту кому-то постороннему. Прости, малыш Оборотень, но твой отряд в одиночку будет приветствовать своего хозяина.

— ...Хорошо, но кого ты...

Райден оборвал себя и не стал спрашивать, кого она имела в виду под хозяином, вместо этого задав другой вопрос, выбросив из головы образ Шина, скорчившего свою мину из-за произнесённых ею слов, если бы тот сейчас стоял рядом:

— Кто тогда будет командовать Сиринами?

□

— Почему ты взял на себя командование всеми Сиринами, Вик?

— Только я могу это сделать, — кратко ответил он.

— Ты, кажется, упоминал, что из-за нагрузки двести – твой предел.

— И вот почему не я один возьму на себя всю нагрузку. Соединение пройдет не для сражения, и его хватит для работы... Да и кроме того...

Принц севера говорил буднично, словно ничего в этом такого и не было. С гордостью королевской семьи, которая на протяжении сотен лет была причиной для преклонения обычного народа.

— ...таков мой долг. Лерче, всё готово?

□

— Конечно. Мы готовы выдвинуться сразу после приказа Его Высочества, — ответила Лерче, сосредоточив зелёные глаза на оптическом экране.

Она находилась внутри тёмной и тесной кабины Чайки, сделанной специально для тел Сиринов. Серебряные пряди Цикады распространялись позади неё, спускаясь вниз по шее под одеждой. Они соединялись с источником питания, что были расположены по телу, и активировались по всей коже, которая не проводила биотоки.

Она выступит в роли ретранслятора для крупномасштабной синхронизации, взваливая на себя часть бремени... Это не было чем-то, что ей приказали сделать. Она хотела этого. Её господин мог и сам справиться с нагрузкой, но Лерче не хотела позволять ему делать это.

«Моё тело – меч и щит моего господина. Защищать его является моей гордостью, а величайшим позором было бы позволить хоть одному волоску упасть с его головы.»

Лерче взглянула на кишаший врагами – Легионом – замок и заговорила. Рядом с ней стоял

Могильщик, а позади него – небольшая армия Джаггернаутов. Перед ними выстроились в атакующем строю Алконосты согласно приказу их господина.

Правда была в том, что она не хотела участия Джаггернаутов в этой или любой другой битве.

«Ведь это сад войны. Он должен принадлежать птицам смерти.»

— Жду Ваших указаний, мой Король Трупов.

□

Фердресы Объединённого королевства и Союза стояли на заснеженном поле; вокруг них лежали останки уничтоженных за два дня Алконостов, а впереди маячил замок. Они выстроились в линейный строй: сперва был отряд из уцелевших Алконостов, позади следовали Джаггернауты. Разделение на отряды было произведено согласно порядку атаки, определённом во время инструктажа.

Шин считал нынешнее формирование странным. Джаггернауты, во главе отряда «Остриё копья», находились в центре колонны Алконостов, которым открывался вид на целое поле боя. Это формирование, направленное напрямик на их главную цель, южный склон, было чересчур безрассудным. Ко всему прочему, Алконосты впереди стояли близко друг к другу. Слишком близко.

Построение колонной было предназначено для сосредоточения военной мощи в одном месте, чтобы прорвать вражеские линии, но перед ними находилась неприступная скала, а не передвижное оружие. А перед скалой был вырыт ров, и легко можно было представить себе, как они застрянут уже в этом месте.

Они взяли с собой брёвна и камни, набранные в перерывах между сражениями, и поместили их в пустые контейнеры, которые были присоединены запасными тросами Джаггернаутов. Похоже, план состоял в использовании материалов для заполнения рва, что даст им возможность взобраться наверх.

Общая мощь колонны состояла в едином ударе, где будет сосредоточена вся военная сила и скорость. Тем не менее ров и стена впереди остановит их атаку, снизив итоговую эффективность. Хуже всего было то, что эта остановка усложнит дальнейшее продвижение и может привести к фатальной задержке. А из-за того, что располагались они близко друг к другу, концентрированный огонь Скорпиона просто снесёт их.

«О чём они... вообще думают?»

Сам план операции уже был им объяснён, конечно, но роль сил Союза заключалась только в том, чтобы взобраться по стенам и зайти внутрь. Им никто так и не рассказал, каким образом

они это сделают. Они услышали лишь то, что им следует позволить Алконостам со всем разобраться... и ничего более.

Пока Шин недоумевал, один из Алконостов встал напротив него.

— ...Бог Смерти-доно.

Людмила. Располагаемая в задней части корпуса кабина была раскрыта, и она стояла на специальном подъёме, давая снежному ветру окутать своё тело. Она заговорила, смотря на поле из останков её товарищей и замок впереди:

— Мы - некогда погибшие люди и это значит, что уже не являемся ими. Наши тела сделаны человеком, как и наши сердца... Мы - механизм, созданный для предотвращения бессмысленных потерь.

— ?..

Об этом он слышал уже много раз: как от их создателя и господина, Вика, так и от самих Сиринов. Они были погибшими на войне солдатами. Оборона Объединённого королевства основывалась на повторном использовании погибших, чтобы предотвратить новые смерти. Но зачем они собрались все вместе сейчас, перед операцией?..

— Мы существуем ради человечества.

На краю поля зрения появился таймер - обратный отсчёт до начала операции. Всем процессорам, включая Шина, был отдан строгий приказ - ни в коем случае не вмешиваться в действия Алконостов.

— И таково...

□

Обратный отсчёт пошёл, и Вик вдруг осознал, что в кресле вице-командира рядом с ним сидела девочка со способностью видеть прошлое и настоящие тех, с кем она была знакома.

— Розенфольт, закрой на какое-то время глаза. Это касается не только твоей способности, но и настоящих глаз.

Даже Вик понимал, что этого нельзя было допустить. Он не хотел видеть, как у детей ломается психика... у тех, кто в отличие от него не был рождён монстром, сломленным с самого начала. Если бы всё зависело от него, пока он был жив, никто бы из детей не страдал.

Ведь в ином случае... если бы дети, рождённые людьми, так легко ломались и становились монстрами, которые никогда не узнают о человеческом счастье... тогда уже сломленному монстру, как он, никогда не познать это счастье...

Он должен быть поражён своей эгоистичностью в такой момент и смеяться над злобой. В конце концов, он может только молиться о чём-то счастье ради собственного блага. Мысли жестокой, отвратительной, хладнокровной змеи.

Отчёт продолжал идти. Взглянув на него краем глаза, он открыл рот.

— Гадюка - всем Алконостам... Приступить к операции...

Змея, поедающая людей - Гадюка.

«Точно. Я всегда был такой надломленной змеей. Во мне уже не осталось эмоций, которые бы можно было сломать. Быть может, именно для этого человечество поместило в меня этот механизм.»

Во времена, когда безумие должно смыть рассудок, когда люди не смогут больше поддерживать себя, он должен предстать вместо них, чтобы прорваться через кризис. Для этого он был рождён... Прямо как созданные им куклы, оскорбляющие само человечество.

«Продемонстрируйте же нашу гордость монстров - тех, кто уже не является людьми.»

— ...Пойте, мои лебеди.

□

Людмила приоткрыла рот, стоя перед Шином. Будто с улыбкой распевала.

— И таково...

Голос Вика прорвался через синхронизацию и помехи беспроводной связи: «Приступить к операции...»

И она продолжила... с восторгом и безмятежностью, словно святой мученик, смотрящий на гильотину.

«Пойте, мои лебеди.»

— ...наше счастье.

В следующее мгновение ряды Алконостов помчались вперёд. Но вместо боевого клича девушки разразились смехом, похожим на громкий шелест лепестков. Они шли по запятнанному полю боя, словно пересекали мирные весенние поля. Первый ряд, прорвавшись через горизонтальные залпы Скорпионов, подошёл ко рву.

Они взорвали противотанковые препятствия внизу с помощью бомбардировки с близкого расстояния, затем выстрелили анкерами по ближайшим обломкам своих товарищей и, закружившись в странном танце, бросали их в сторону бездны.

— Какого?!..

Синевато-белые тени Алконостов исчезали во впадине замёрзшего снега подобно чьей-то плохой шутке. Они тащили обугленные, почерневшие останки, перепрыгивали через вкрапленные следы от снарядов, приближались к впадине и прыгали вниз. Тяжелые, зловещие удары о землю, отражаясь от ледяных стен, доносились до ушей «восемьдесят шесть».

И прежде, чем эхо успело бы исчезнуть, прибыл второй ряд Алконостов, бросаясь вниз сразу после своих товарищей. Следом за ними без колебаний шли третий и четвёртые ряды, забрасывая материалы и обломки собственных товарищей вниз. Они были похожи на стаю глупых мышей, слепо бросающихся в реку из-за флейты крысолова.

Залп Скорпиона скосил одного из Алконостов, когда тот нёсся по тропе смерти. Следовавший прямо за ним протолкнул обломки вперёд, после чего сам прыгнул в ров. Стая сине-белых пауков один за другим ныряли вниз, волоча за собой павших товарищей. В то же время они весело смеялись.

Поняв замысел Алконостов, Скорпионы на стенах высунулись и сосредоточили огонь на рве. Заградительный огонь прочертил линию в передней части траншеи, чтобы остановить продвижение Алконостов. Впервые с начала атаки они остановились и начали стрелять вверх по высунувшимся Скорпионам, сбрасывая их осанки в ров. При этом каждого уничтоженного Алконоста уносил другой, заполняя яму.

Осознав, что позволять врагу собирать ещё больше материала было слишком глупо, бесстрашный Легион отступил от стен. Алконосты же продолжили мчаться вперёд навстречу смерти, пока их товарищи вели прикрывающий огонь. Их действия напоминали безумие фанатиков, бросающихся к ногам своего идола – Джаггернаута...

Ров с глубиной в двадцать метров вскоре был заполнен массивными корпусами Алконостов, весящих несколько тонн. Их товарищи бросались вперёд, но видя нехватку высоты, они приседали и крепились к стенам базы. Следующая группа прыгала на спины и вдавливали весом предыдущих. Алконосты, используя свои корпуса в качестве строительных блоков, выстраивали мост, ведущий наверх.

Когда-то давным-давно существовала империя, гордящаяся своими инженерными технологиями, соорудила осадный путь с помощью десятков тысяч пленных и рабов, чтобы

пересечь двухсотметровую стену неприступной крепости, построенной в пустыне*. Словно вдохновленные этим, Алконосты сооружали склон, ведущий к валам... осадный маршрут, образованный из металлических обломков. Они хоть и были в нём основным компонентом, но им также удавалось втянуть Скорпионов и даже Муравьёв, которых выманили на себя Сирины.

[П/П: Крепость Масада.]

Ещё один ряд Алконостов взобрался наверх по мосту. Они ступали по своим товарищам, только чтобы их самих раздавили следом идущие, постепенно увеличивая высоту. Радостный смех эхом раздавался повсюду, а «восемьдесят шесть» могли лишь безмолвно наблюдать за развернувшимся перед глазами безумием.

□

Эту сцену также видела Лена, находившаяся в командном отделении.

— Вик!..

— Мы не можем послать «восемьдесят шесть» сделать это.

Она повернулась и взглянула в лицо парня, что отдал этот самоубийственный приказ, но тот даже и бровью не повёл. Его ледяной, застывший взгляд был зафиксирован на куклах – они смеялись даже когда сминали друг друга.

— Я не могу беречь этих девушек и позволить моим людям и «восемьдесят шесть» умереть... Когда кто-то умирает, его уже не вернуть. Никого из них уже нельзя будет заменить.

Лена не знала, что скрывалось за его поджатыми губами. Вик не рассказывал ей, как он навсегда потерял свою маму из-за попыток её воскресить. Не слышала она и о погибшей девочке, ставшей основой для Лерче. Однако...

— Но вот они – Сирины – уже мертвы. Они лишь имитация человека, а с технической точки зрения у них нет даже собственной личности. Они продукт массового производства и могут быть заменены. Нет причин жалеть их при таком использовании, — сказал он, приковав заледеневшие глаза к ломающимся куклам.

Он всегда держал при себе одну из них, Лерче... Он был тем, кто давал этим нелюдям человеческие имена и разные тела.

Профиль его лица, смотревшего на эту сцену, резал сердце Лены подобно ножу. Перед ней была хладнокровная змея – монстр, лишённый всякого человеческого сострадания. Он пытался защитить человечество, но используя собственные понятия логики и морали.

Наконец, последний Алконост помчался вперёд. Пока он взбирался наверх по созданному склону, лязг и скрип эхом разносился повсюду. Вик обернулся. Взяв у королевской стражи противотанковую пушку, он направился к выходу из командного отделения вместе с солдатами.

— Оставляю рейд и командование на тебя, Королева. Мы также перейдём в наступление. Скажи, когда нужно будет атаковать.

Он ясно дал понять своими действиями, а не словами, что после потери всех войск у него больше не осталось роли, которую он мог бы исполнять.

□

Последний Алконост прорвался наверх и зацепил две из десяти ног за стену. Он весь был покрыт осколками, а половина кабины и вовсе срезана, но специальные крюки воткнулись в скалу, зафиксировав положение суставов.

На этом марш смерти для синевато-белых пауков был завершён.

Единственным оставшимся Алконостом была Чайка – агрегат Лерче. Вся остальная часть отряда в буквальном смысле своими жизнями сформировали осадный путь, став воплощением безумия. Недалеко от вершины лежала Людмила, едва сохранившая своё тело; на шее красовался глубокий надрез, а голова, болтающаяся на соплях, уставилась на Могильщика, внутри которого находился Шин.

Он мог видеть её улыбку. Её искусственная кожа и мышцы изящно изогнулись, хотя от левой стороны лица остался лишь металлический скелет.

«Давайте, теперь можете идти.», – говорила её улыбка.

□

— Тц!..

Он не мог унять дрожь. То же самое, вероятно, было и с остальными. Все Джаггернауты заколебались при мысли о том, что им придётся ступать по этой нелепой осадной тропе. Но до ушей оцепеневшего Шина долетел рёв приближающегося Легиона. Скорпионы и Муравьи, отступившие от стен из-за огня Алконостов, стали выползать оттуда.

Став свидетелем прошлой сцены, они не могли позволить, чтобы смерти Сиринов были напрасны.

Шин стиснул зубы.

— ...Пошли.

— Да ты издеваешься!..

Возможно, это был Рито. Проигнорировав выкрик от кого-то, Шин направил свой агрегат вперёд. Могильщик двинулся в авангарде, ступая по почерневшему пути, проложенному маршем Алконостов. Спустя небольшую задержку за ним последовали Смеющийся лис, Стрелок и Снежная ведьма. Затем к ним присоединились оставшиеся члены отряда «Остриё копья», на ходу проливая ругательства и проклятья.

Большинство из ныне присутствующих «восемьдесят шесть» годами выживали на поле боя восемьдесят шестого сектора. Арьергард начал вести огонь на подавление даже без приказа. Скорпионы направили ствол вниз, тогда как Джаггернауты прорывались через завесу снега. Небо над ними засветилось от огня.

Снегопад усилился, словно бы пытался заглушить плач Сиринов.

Они быстро добрались до рва, забитым обломками. Могильщик не снизил скорость и помчался по мосту, взбираясь наверх. Поскольку он всё же не был построен из настоящих строительных материалов, путь был наполнен неровностями, и ноги Джаггернаутов цеплялись за них.

Даже если взгляды оставались зафиксированы на цели, они всё равно улавливали искажённые останки Сиринов. Ступая по ним, Джаггернауты ещё сильнее вдавливали их. Отбросив момент с чуть ли не ежедневным уничтожением самоходных мин, Сирины хоть и имели человеческие тела, но на самом деле они уже не были людьми. По сути они даже не отличались от Легиона, ассимилировавшего мозги погибших на войне ради дальнейшего сражения.

Значит, тут ситуация должна быть похожей. Уничтожение Легиона. Протапывание Сиринов по мере продвижения вперёд...

— Кх!..

Всё это должно быть похоже, но неопишное отвращение никуда не уходило. Жуткое ощущение, словно взбираешься по горе из трупов, которые на всём пути цепляются за твои ноги, обвивают тело и не отпускают.

Шин мог слышать бормотание Сео: «Простите...». Как Крена болезненно простонала: «Ненавижу». Без внимания не остались и попытки скрыть дрожь в голосе Анжу, которая успокаивала Рито, вот-вот готового разрыдаться. В углу оптического экрана он увидел, как нога Могильщика прошла по спине шевелящегося Сирина. Её яркие губы расплылись в беззвучном крике. Руки в конвульсиях пытались дотянуться до небес, – быть может, ища

помощи или от того, что не могла нормально функционировать, – но обессиленно рухнули вниз.

В системе Джаггернаута не было понятия ответной отдачи. Неважно, на что бы агрегат не ступал, амортизаторы гасили почти все движения, так что процессор ощущал лишь лёгкую вибрацию. На этих Джаггернаутах были установлены модифицированные амортизаторы для ведения высокоманёвренных сражений, поэтому внутри кабины совсем не чувствовалось, что сейчас движешься по людям.

Вот почему то чувство, с которым он сжимал рычаг управления с силой, воспроизводящей хруст яичной скорлупы, а шаги, чей звук должен был заглушить двигатель Джаггернаута, на самом деле были иллюзией, захватившей его разум. И даже кровавое пятно на Могильщике, как и крик, так же всего лишь ему привиделось.

Шин стиснул зубы с такой силой, что послышался скрип.

...Нет.

Он ещё не осознал этого.

Не воспринимал за должное.

Он забыл, где находится.

Для носителей позывных их прозвище значило не только титул, но и проклятье, данное избежавшим хватки смерти и вернувшимся живыми из места, где многие их товарищи потеряли жизни... демонам войны, которым удалось выжить, насытившись их кровью, и соорудив гору из трупов как союзников, так и врагов. Прозвища для вернувшихся живыми с восьмьдесят шестого сектора Республики, с поля боя, откуда возвращался лишь один из тысячи.

Чувство печали в такой момент – ложь.

□

Ведь весь прошедший им путь – тот, что привёл его в это место – был вымощен горой останков его товарищей.

□

Чтобы выжить, необходимо пройти по кому-то. По тому, кто умрёт. По тому, кто всё ещё жив. По тому, кого ему уже не спасти, кого придётся бросить. Он должен идти через тех, кто умирает – выживать, идя через груды тел и море крови.

То же самое касалось и нынешнего положения. Он продолжал идти дальше, даже если это означало перешагивать через гору трупов. Сцена вытапывания мертвецов была лишь иллюстрацией борьбы ради выживания. Если и чувствовать печаль, то... не только из-за этого осадного моста, но и из-за всего пути, приведшего его сюда... Этого нельзя было избежать. Войны без потерь не существует. Не найдётся страны, которая бы выжила без жертв.

Люди просто не знали, как выжить по-другому.

В его поле зрения попала уже нефункционирующая голова с алыми волосами. Вибрация Могильщика полностью скосила болтающуюся на шее голову, и та покатила вниз, исчезая с его глаз. Из его горла вырвался стон, но он не позволил слезам пролиться.

«Лена. Прости. Люди живут... Человечество выживает... Я...»

□

«...не могу найти в этом ничего прекрасного.»

□

В отличие от замка, олицетворяющего власть и высочайший комфорт, крепостные валы предназначались для ведения сражений. Их структура уже делает из них меч и щит против сил вторжения. Возвышающиеся стены, а также окружающие их сухие и затопленные рвы, зубцы, расположенные в верхней части ворот, многослойные перегородки, уходящие в равной степени вверх и вниз, а сам вход в замок располагался на втором этаже. Винтовая лестница, поднимающаяся вверх по часовой стрелке. Всё это было видимыми механизмами в те века, когда основным оружием считались мечи и луки, однако даже сейчас они демонстрировали свою ценность.

Внутренняя часть цитадели находилась на площади напротив южных стен. Чуть ниже их верхушки располагалась группа Скорпионов, направивших прицелы своих гаубиц на предполагаемую вражескую атаку. Они не смогли вмешаться в строительство осадного моста, но всё ещё могли атаковать беззащитного врага, когда те начнут вторжение.

Этот мост был сооружен поспешно. На стратегическом уровне подобная тактика была сплошной дурью, ведь вражеские силы разделялись, а сами они жертвовали собой ради построения этого пути, что означало сокращение их численности чуть ли не вдвое. Они не смогут долго придерживаться тактики «сделай или умри».

И вот в такой момент к вершине стен полетели металлические анкеры. Две пары. Четыре летящих крюка, ведя за собой прочные канаты, вонзились в стены. А в следующее мгновение два Джаггернаута вылетели слева и справа от прицелов Скорпионов, взмыв над дальнобойной артиллерией.

На их кабинах красовались персональные метки смеющегося лиса и безголового скелета с лопатой наперевес.

— ...Ну что, придурки?! Конечно же вы будете целиться по нам! Что за идиот пойдет напролом, куски вы металлолома?!

— Я понял это только после сказанного Дастином. Бывшие граждане Республики ведь понятия не имеют о теории вторжения.

В то время, пока Сео выплёвывал ругательства, стряхивая с себя агонию, Шин говорил чересчур холодно, словно уже давно от неё отошёл. Два залпа прогремели одновременно. 88-мм танковые башни выплёвывали снаряды с начальной скоростью в 1,600 метров в секунду, пронзая Скорпионов с фланга. Многоцелевые снаряды при попадании выплёскивали кумулятивную струю и осколки, что безжалостно обрушались на небронированные части Скорпионов.

Они, конечно, не стали пассивно наблюдать за этой атакой. Их оптические сенсоры и прицельные лазеры зафиксировали две цели, а после они сделали попытку противостоять вражескому огню согласно предписаниям их тактических алгоритмов.

Только вот попытки... провалились.

При повороте их стволы столкнулись друг с другом. Скорпионы зашатались и каждый заблокировал возможность повернуть ствол другому. Они стояли на тесных стенах, не в силах пошевелиться. Джаггернауты в мгновение ока опустошили магазины, целясь по их флангу.

Палисады строились с целью воспрепятствовать проникновению вражеских сил – разделённая перегородками, образовавшиеся секции были очень тесными, что играло против Скорпионов с их длинными стволами, из-за которых вести огонь они могли только перед собой. И сейчас, не имея возможности контратаковать или уклониться, они стали очень лёгкой мишенью.

Остальные Джаггернауты, используя анкеры, последовали за этим авангардом и присоединились к нападению. С помощью пулемётов они скосили носящиеся по стенам самоходные мины, а затем перевели огонь на Муравьев, что на них помчались.

Стрелец – агрегат Дастина – отпрыгнул от обломков Скорпиона и использовал дымовую разрядку для создания вокруг белого дыма, прячущего передвижения сил вторжения. Отряд Клеймор во главе Рито под это прикрытие бросился к ангарам сразу, как только раскрылись заслонки наземных ракетных площадок.

— ...Всем с пусковыми установками – огонь на подавление по указанным координатам!

Залп производился под командованием Лены. Ракеты взмыли в воздух над наземным сектором,

оставляя за собой линии белого дыма. Затем они выпустили кассетные бомбы, что ливнем прошлись по легковесному Легиону. Сработал самоподрыв снаряда против лёгкой брони, выпустив множество осколков, и создав море пламени, погребая за собой легковесные машины оглушительным рёвом.

Верхняя часть цитадели была успешно подавлена. Осталось лишь пройти по оставшимся машинам. Чайка остановилась рядом с Могильщиком. Её кабина раскрылась и показалось лицо Лерче, крикнувшая:

— Бог Смерти-доно, давайте, пока шанс есть!

— Ага.

Боеприпас у 88-мм пушек закончился. У Смеющегося лиса имелись пулемёты, установленные в качестве дополнительного вооружения, так что проблем у него не возникло. А вот Могильщик, оборудованный оружием ближнего боя, мог оказаться в невыгодном положении в случае перестрелки.

Внезапно прозвучали неестественные стенания.

Только Шин мог услышать этот призрачный вопль. Неразборчивый механический плач, который он не мог понять. Голос исключительно механизированного интеллекта, которого не должно уже существовать спустя шесть лет после падения Империи.

Поле боя было покрыто толстой белой завесой дыма, из-за чего Джаггернауты испытывали трудности при обнаружении друг друга, но способность Шина могла противостоять хаосу и точно определить источник этих стенаний. Скальный навес цитадели парил над ними подобно орлу, расправив крылья для защиты птенцов. Между этими величественными крыльями, среди останков черепа орла, восседала громоздкая фигура.

Силуэт проворного, свирепого хищника. Сенсорный блок напоминал голову льва, а лезвия столь тонкие, что отдельные сегменты напоминали оперение. Шин смутно мог разглядеть сквозь белый дым сверкание, исходящее из пары оптических сенсоров.

Феникс.

Оставшаяся уцелевшей камера снаружи передавала изображение Феникса на голографический экран командного отделения. Лена сузила взгляд, смотря на него.

Его вид...

Фредерика, по-видимому, думала в том же направлении – она нахмурилась.

— ...Выглядит как-то иначе по сравнению с полученной информацией. Что это за экстравагантные крылья?

Крылья. Верно, крылья.

У проворного, четвероногого фюзеляжа, так похожего на туловище дикого льва или леопарда, имелись покрытые серебром крылья, напоминающими острые лезвия. Из места, где у животного находились лопатки, выходили пара длинных лезвий, создающих образ грифона, парящего в небесах.

Каждое крыло вибрировало в своём темпе, не похожим ни на одно живое существо. Они изящно светились светом, контрастирующим со снегом, и приковывали к себе взгляд. Похоже на металлическое серебряное свечение, переливающееся подобного жидкости.

— Жидкая броня?!..

Согласно информации Шина, у Феникса брони было даже меньше, чем у Муравья. Она была настолько тонкой, что после кумулятивных снарядов её можно было пробить с помощью простой противопехотной винтовки калибра 7,62-мм. Не имея эта машина такую слабость, вряд ли бы Шину удалось сбить её.

Правда была в том, что даже Лена, не находящаяся на передовой, потеряла дар речи, увидев ту манёвренность на записи бортового журнала. Её подвижность и скорость была настолько подавляющей, что затмевала собой весь остальной Легион, уже преодолевший основные ограничения человечества. И только за одну эту битву слабость была найдена и исправлена. Или же, быть может, Шин тогда столкнулся с обычным тестовым образцом.

Однако...

Лена поджала губы.

□

Сражения с наступающими силами Легиона в каждом из коридоров становились всё яростнее. Снаружи замка уже был сформирован маршрут вторжения. Если Легион отдаст контроль над поверхностью Джаггернаутам, следом те ринутся в подземный сектор. Поняв, что до этого любой ценой необходимо удержать цитадель, Муравьи и самоходные мины продолжали вести самоубийственные набеги.

Под концентрированным огнём Скорпиона разрушилась последняя заслонка пятого коридора. Посреди хаотичного боя до ушей Райдена донеслась беспроводная передача от другого отряда.

— ...Вице-кэп Шуга!

— Рито?! Где ты?

— Будем сразу перед вами через примерно шестьдесят секунд! Мы прорываемся вперёд, так что посторонитесь!

— Тц, всем членам отряда - прекратить огонь и отступить от лифтов! Уходите с линии огня!

Вскоре после того, как Джаггернауты и Барушки-Матушки чуть ли не отпрыгнули в сторону, по Легиону прошла очередь из 12,7-мм пулемёта. Выстрелы были полной неожиданностью и пришли из шахты лифтов, ведущих к сложным ветвистым путям к поверхности. Пули сносили заднюю тонкую броню Муравьёв, а самоходных мин и вовсе разом скосили. Рито и члены отряда Клеймор переступали через останки и неслись по подземному сектору, нападая на оставшиеся машины Легиона.

— Мы захватили наземный сектор, и наши сейчас продолжают зачищать коридоры. Так что вице-кэп Шуга и капитан Иида должны выбираться наверх!

— Будет сделано...

Райден замолк и нахмурился. Этот нетипичный прорыв и яростный пулемётный огонь в совокупности с нервными нотками в голосе Рито, передающимся через синхронизацию, казался ему слишком отчаянным. Некоторые из Барушек-Матушек не успели вовремя уйти с линии огня и приняли на себя шквал пуль – выдержать они смогли это только из-за наличия толстой передней брони.

— ...Что-то произошло, Рито?

— Ничего!

В его голосе отчетливо проскальзывал надрыв, словно бы не скажи он это, тут же разразился плачем. Он будто только что потерял множество своих товарищей и представил себя на месте горы трупов.

— Правда, ничего не случилось... Прошу, поторопитесь.

□

Белый дым рассеялся. Посреди лёгкой снежной дымки находился Феникс, царствующий в этом саду сражений. Он возвышался над навесом подобно птице, расправившей свои крылья, а внизу было поле боя, усеянное несколькими наблюдательными шпилями. По всему полю валялись металлические останки уничтоженных Скорпионов вместе с обломками крепостных валов и внутренних перегородок, раздробленных танковыми снарядами.

Безмолвная белизна, всюду усеянная устрашающими следами яростного сражения. Уродливые признаки стычек и безмятежная брэнность. Феникс не выделял что-то из этого. И одним только взглядом машина заметила позицию Могильщика, расположенного в самой глубокой части строения Джаггернаутов.

Шин, посмотрев на него в ответ, обратился ко всем:

— Всем членам отряда – рассредоточиться. Любой ценой избегайте столкновения в ближнем бою. Шальные пули заденут.

Наклонив свою звериную голову вперёд, его конечности согнулись, словно набрав силу.

«Наступает.»

Он прыгнул вперёд и стал размахивать лезвиями, контролируя положение в воздухе. Феникс приземлился на одну из башен, от которой оттолкнулся и полетел вперёд. Прямо к Могильщику.

Чайка тут же отпрыгнула в сторону, чтобы не мешать сражению. Могильщик выбросил опустевшие магазины и приготовился. Феникс приземлился на перегородку, а затем вновь от неё оттолкнулся, двигаясь на предельной скорости. Отлетающие куски бетона и льда были единственными следами, благодаря которым можно было отследить его движения. Серебряная тень накинута на Могильщика, попутно делая непостоянные резкие прыжки то влево, то вправо...

«Когда же?..»

— А ты хорош. Не один из тех идиотов, что попрутся прямо так, а?

Сбоку летел снаряд. Выстрел производился на близком расстоянии, а снаряд летел быстрее скорости звука. Стрелявший Джаггернаут прятался в тени башни. Стрелок Крены. Но даже если ей удалось предсказать, в какую сторону двинется враг, скорость машины всё равно была невообразима для наземного оружия. Достижением уже был тот факт, что она выстрелила, отказавшись от вспомогательной системы прицеливания, и полагаясь только на интуицию.

Звук следовал за снарядом, когда тот мчался вперёд без системы прицеливания, но Феникс заметил его из-за дульной вспышки. Он тут же отменил прыжок, благодаря чему избежал

попадания.

Однако...

Снаряд, который должен был пролететь мимо, взорвался в воздухе прямо перед Фениксом. Пламя и ударные волны разлетались во всех направлениях со скоростью восемь тысяч метров в секунду. Феникс уже не мог уклониться от летящих осколков.

Неконтактный взрыватель. Он активировался при попадании в электромагнитное поле цели, взрываясь и выпуская осколки даже без прямого попадания. Феникс, не сумев уклониться от них, рухнул на землю. Конечно, броню это не пробило, но какая-то часть покрывающей его жидкости взметнулась в воздух подобно лепесткам.

— ...Привет от меня, тупая ты хреновина.

Лежа в засаде, Снежная ведьма – вернее, Анжу, – яростно ухмыльнулась. В следующее мгновение ракетная установка распахнулась и выстрелила. Ракеты летели зигзагом прямо к Фениксу и ливнем обрушивались множественными маленькими бомбочками, уничтожая все возможные пути к отступлению, куда входил и тот, по которому Феникс решил пойти.

Враг сделал ещё несколько попыток избежать линии огня, но поняв, что не сможет, сразу же взмыл в воздух.

— ...Ха, а вот и он. Идиотом тебя называют и говорят что-то про высоту.

Смеющийся лис весел на анкере, прикрепленном к одной из крыш башен, повернув тяжёлые пулемёты в сторону Феникса. Сео зажал триггер. Поскольку враг находился в воздухе и не мог двинуться, первая очередь прошла прямо по нему. Феникс взмахнул по широкой дуге лезвием и воткнул его в стену, как бы служа импровизированным анкером, а после покинул линию заградительного огня.

Смеющийся лис сменил позицию и с помощью своих тросов бросился в погоню, а в этот момент по врагу начал вести огонь ещё один Джаггернаут. Ещё одна зона была подавлена маленькими бомбочками. Оборотень, в спешке покинувший ангар, начал поливать Феникса пулемётным огнём.

— ...Чувство, будто мы сейчас на охоте на огромную дичь. Только вот чего-то мне совсем не хочется в этом участвовать.

Феникс попытался избежать атаки, прыгнув на бруствер, но несколько точных выстрелов из малокалиберных пушек сбили его вниз. На скале появились несколько следов от пуль. Они были выпущены не 88-мм пушками Джаггернаутов или 120-мм пушками Барушек-Матушек, а 20-мм противотанковыми... Стреляли из них несколько людей, в числе которых находился и

сам Его Высочество принц.

Всё-таки увернувшись от шквала бронебойных снарядов, Феникс приземлился и начал осматриваться. Легион считался боевыми машинами, а этот, в свою очередь, был в прямом смысле механическим интеллектом, так что у него не должно быть проявлений любых человеческих эмоций. Но если бы всё же такая особенность присутствовала, то, вероятно, Феникс раздражённо бы цокнул языком.

Они окружили его. На стенах, на перегородках, разделяющие площадь на сектора, на наблюдательных шпилях. В тени странных сооружений и внутри них. Они находились вне линии огня друг у друга, однако сам Феникс был прямо в середине. Множество белых силуэтов Джаггернаутов окружали вражескую машину, смешиваясь со снегом.

□

— Быстрый и сверхманевренный... Но это не значит, что с ним невозможно совладать, — холодно пробормотала Лена, смотря на голографический экран.

Безусловно, эта скорость, низводившая на нет все системы по ведению огня, выходила за рамки наземного оружия. Но ещё до войны с Легионом существовало оружие, которое могло сбить даже истребители, летящие на ещё большей скорости.

Одним из таких оружий был бесконтактный взрыватель, срабатывающий при приближении к противнику – такие снаряды взрывались и выпускали расплавленные осколки. Или, например, кассетные боеголовки, выпускающие малые бомбы на широком радиусе. Или вовсе пулемёты и автоматические пушки, выпускающие десятки пуль в секунду.

Если их глаза не могли поспеть за ним... Если невозможно было прицелиться и выстрелить на одной точке...

— ...Тогда нам просто нужно атаковать по области... И ничего более.

Они уже приняли контрмеры как со стороны тактик, так и со стороны оружия. Единственная причина, по которой Шин в тот раз испытывал трудности в сражении против Феникса, заключается в первой встрече с такой машиной, а также из-за своей воинской природы. Могильщик специализировался на ближнем бое, но никак не считался оружием дальнего радиуса действия. Будь он один, очень тяжело было бы провести эффективную контратаку.

— Мне вот интересно было, как же ты заманишь его под заградительный огонь, но я точно не ожидала использования Могильщика в качестве приманки, — произнесла Фредерика. — Кровь в твоих венах холоднее, чем я думала, Владилена.

— Цель врага – истребить нас и захватить Шина. Не может быть и речи о том, чтобы знать об

этом факте, но не воспользоваться им.

Величайшая ошибка Феникса заключалась в том, что он дал Шину сбежать в их последней битве, что позволило принести ценную информацию: отчёт, примерные характеристики... и цели. При появившейся возможности он не убил Шина, а подозрительные действия полностью раскрывали его главную цель.

Они могли заманить его, поскольку знали о цели. С их позиции Феникс был не более чем глупым, голодным волком, которого они успешно изловили. Да, Феникс однажды единолично расправился с целым отрядом Регинлейвов, уничтожив каждого из них буквально за один удар. Он, вероятно, решил, что между его способностями и Регинлейвами существует огромный разрыв.

И опираясь на эту оценку, Феникс не обращал никакого внимания на всех вокруг, кто не был его приоритетной целью – Шином. В результате, они использовали это в качестве приманки и заставили врага принимать неправильные решения, сократив численностью.

Трусливая тактика, надо сказать. Она думала, что подобное «восемьдесят шесть» не понравится, но только предложив её после операции в вокзале, все они, включая Шина, равнодушно приняли эту идею.

Перво-наперво, «восемьдесят шесть» всегда пытались выпепить одну машину Легиона и сразить её вместе. Если они хотели победить этих безрассудных стальных монстров в простых алюминиевых гробах, у них не было иного выбора, кроме как полагаться на ловушки, обманки и тактики «один против многих». Они уж точно не станут называть такую тактику трусливой.

— Советница Розенфолт. Капитан Ноузен сейчас отвечает за определение позиции врага, тогда как младший лейтенант Иида присоединится к сражению вскоре после того, как закончит зачистку сооружения. Оба они, однако, относятся к солдатам, поэтому в случае их занятости мы будем полагаться на тебя.

Фредерика миленько ухмыльнулась.

— Говорила же, что можно просто Фредерика, дурёха... Поняла, оставь эту работёнку на меня.

□

Джаггернаути расставили ловушки по всему наземному сектору. Наверху стен и перегородках, на шпилях, между проходами в лабиринте и строениях. Они окружили Феникса со всех сторон и даже сверху. Феникс всё ещё пытался избегать вражеских атак и прорываться сквозь оцепление, но куда бы тот не пошёл, везде попадал в засаду и распылял после себя серебряную жидкость.

Летела дробь. Сверху сыпались малые бомбы. Пулемёты ревели, противотанковые пушки разрывали холодный воздух. И пока подвижные орудия сражались друг с другом, появились солдаты, расставившие мины, которые при активации веером выпускали стальные шарики, стремящиеся попасть прямо в Феникса.

Охота на крупную дичь.

Лена, смотря на сцену через голографический экран, подумала, что это было идеальное название тому, во что превратилось это сражение. Яростное, коварное, опасное животное было в разы сильнее людей, но объединившись, они могли использовать интеллект вместе с оружием. Вот что это была за битва.

— Отряды Фальшион и Глеф – сместитесь в третий южный блок. Капитан Ноузен и младший лейтенант Иида, воспользуйтесь Могильщиком и приманите его туда... В двадцать третьем коридоре обнаружались остатки врагов. Отряд Булава – приступить к зачистке.

— Принято.

Зачистка остатков врагов в подземном секторе и охота на крупную дичь в наземном. Лена двигала шахматные фигуры на двух полях боя одновременно, и вместе с этим Цикада сияла причудливыми узорами. Лучи света, олицетворяющие высокоэффективную работу, освещали тусклое командное отделение.

Уклоняясь от нападения, Феникс вдруг поднял звероподобную голову, словно зовя что-то. Густые облака сверху стали рассеиваться, и вниз спикировала стая подёнок, которая затем обволокла Феникса. Оптический камуфляж был развёрнут, а серебряный силуэт пропал с поля зрения. Невидимые ноги с гулким звуком ступали по земле, оставляя после себя трещины, и наконец он полностью исчез...

— ...Митихи, через пять секунд прямо перед вами... Огонь!

— Есть, сэр!

Следуя за указаниями Шина, способного точно узнать о местоположении врага, при этом игнорируя законы физики, взвод из шести Джаггернаутов отреагировал немедленно. Пулемётный шквал обрушился в указанную точку, срывая камуфляж из подёнок, что вновь сделало Феникса видимым. Тот юрко нырнул в укрытие в попытке уклониться от линии огня. На их пути встал толстый бетонный столб, и слабые сенсоры Джаггернаутов потеряли его из виду.

— Как же просто! Кроу, задай ему горячку и преподнеси филе из пуль!

— Будет сделано, Иида, но прошу, сдерживай себя, а?

Шиден после зачистки врагов в ангарах вылезла на поверхность и стала безудержно смеяться.

— У меня аж мурашки по коже от того, как ты даёшь направление не хуже малыша Бога Смерти... Ну-ка, карапуз, куда дальше?!

— Не называй меня карапузом, ты, неотёсанная идиотка! Южный пятый сектор, центральный проход. Огонь! — крикнула в ответ Фредерика, пока её алые глаза мягко светились.

Малые ракеты взлетели, оставляя позади себя след белого дыма. Ищейки активировались, и они полетели в Феникса. Спрятанные на крышах зданий пехотные войска вытащили тяжёлые ракетные установки и открыли огонь по противнику.

Феникс попытался прыгнуть в сторону в попытке уклониться от них, но ракеты резко повернулись и точно проследовали за ним. Активное самонаведение. Металлические снаряды, неотступно преследующие любую цель, что попала в их лазеры, словно проклятые, пока у них не кончится топливо или они не попадут.

Остановившись возле перегородки, Феникс повернулся к ракетам. Рядом стоящие Джаггернауты поняли, что тот задумал, и отступили. Лезвия, служившие ему гривой, вдруг ожили. Используя пару лезвий, Феникс срубил первую линию ракет и тут же прыгнул вверх. Следовавшая вторая волна ракет внезапно потеряла цель или просто не смогла вовремя сменить траекторию, из-за чего все они попали в перегородку и взорвались.

Толстая бронированная стена рухнула. Под образовавшейся пылью Феникс начал отталкиваться от рядом стоящих стен, направляясь к навесу...

— Активация!

После резкого приказа с каждого шпиля полетели электрические провода, которые сформировали импровизированную сеть, сбившую Феникса в воздухе.

«?!»

Упав о каменные плиты, Феникс встал на ноги и прыгнул от изумления. Должно быть, он даже предположить не мог, что у них была в запасе эта ловушка. Вик – единственный, кто с упоением смотрел на развернувшуюся сцену – заговорил через синхронизацию:

— Эту ловушку устанавливали для перехвата вертолётов на случай воздушного налёта. Что-то вроде «да умрём мы вместе с Филистимлянами*»... Хе, надо сказать, у моих предков был скверный характер.

[П/П: «Умри, душа моя, с Филистимлянами!». Книга Судей Израилевых, 16:30. Сбив колонны, Самсон как бы похоронил себя вместе с этими Филистимлянами. То есть как я понял, сюжет

вертолеты сетью, а затем они рухнут на их же территорию.]

Райден с раздражением в голосе задал тому вопрос:

— Страшно даже спрашивать, Ваше Высочество, но принц, не говори, что расставил по базе бомбы для самоуничтожения?

— М-м? Конечно, расставил. А как иначе-то? Разве в том, чтобы взорвать уже захваченный замок вместе с врагом, нет эстетики?

— ...

Фредерика, вероятно, даже представить себе не могла, что Марсель от испуга вздрогнул.

— Мне начинает казаться, что он... или, вернее, Эсперы семьи Идинарок просто глупцы, пытающиеся играть с интеллектом... — прошептала она.

Лена не могла не думать в том же ключе.

«...Ну, в любом случае.»

— Вторая перегородка пятого сектора пробита. Всем Джаггернаутам в указанном секторе – двигайтесь в четвёртый и шестой сектора. Отряд Ястреб – прошу, выдвиньтесь им на помощь. Отряд Ликаон – у вас ведь уже боеприпасы на исходе, верно? Поменяйтесь с отрядом Коса.

На одном из экранов всплыло сообщение. Перекрытие на передних воротах было снято, и падальщики начинали заходить на базу... Не говоря уже про осадный мост, Файд и остальные просто не могли взобраться по вертикальным стенам, поэтому им пришлось обойти и подняться по дороге, так что прибыли они только сейчас.

— Мы раздавим их прямо сейчас. Не давайте врагу и минуты покоя.

□

— Нет...

Вопреки рвению Лены, Шин горестно прищурился. Жидкая броня Феникса оказалась более прочной, чем ожидалось. Она могла свободно менять свою форму, поэтому реагировала как на кумулятивные снаряды, так и на БОПСы. Расстояние от точки взрыва рассеивало кумулятивную струю, а пули с наконечником из обеднённого урана, попавшие в эту броню, разрушались. У этой жидкости также были дилатантные* свойства, что позволяло ей

мгновенно обращаться в твёрдое состояние в момент удара, из-за чего даже если попадание дробы или противотанковых снарядов вызывало серебряные брызги, броню это всё равно не пробивало.

[П/П: Такая жидкость имеет свойства обычной жидкости, разве что чуть более вязкая, но при резком физическом воздействии становится твёрдой.]

И хотя большая часть жидкой брони уже была снята из-за боя, сама машина подверглась лишь лёгким повреждениям. По другую же сторону некоторые из Джаггернаутов уже не были способны продолжать вести бой. Смеющийся лис вынужденно отступил, поскольку у него кончились боеприпасы как у 88-мм пушек, так и у пулемётов. Стрелок совершила ошибку, позволив врагу подобраться близко, что повлекло за собой отсечение ног. Снежной ведьме предстояло пополнить опустевшую пусковую установку.

Пять поломанных противотанковых пушек и отступление пехоты из-за того, что у них кончились боеприпасы. И наконец, разрушение перегородок и шпилей. Окружение вокруг них уже практически полностью было стёрто в пыль. Файд и остальные падальщики уже прибыли, но потребуется какое-то время для перегруппировки и пополнения припасов, так что им необходимо было каким-то образом продержаться...

Феникс вдруг остановился в центре угла здания, от которого мало что осталось после пальбы. Он в звериной манере оглядел окружающих его Джаггернаутов. Несколько слоёв его похожей на оперение брони вдруг растаяло и затем вновь собралось в небольшой цилиндр. Орудийный ствол. К тому же отверстие было чрезвычайно тонким, а сам он длинным, так что начальная скорость снаряда будет очень высока!

— ...Он стрелять собирается! Уклоняйтесь!

Из Феникса проросли серебряные нити, что, вероятно, было ещё одним преобразованием брони. Снарядом выступила большая, острая флешетта. Для стрельбы необходимо было пневматическое воздействие, либо центробежная сила. Они глупо полагали, что раз Феникс не способен нести на себе тяжёлое оружие, значит он не способен на дальние атаки.

Флешетта, казалось, не доставало проникающей способности, чтобы пробить даже лёгкую броню Регинлейвов, однако этот тяжёлый снаряд летел на огромной скорости, что даже отдача от выстрела сильно искорежило жидкую броню. Получив прямое попадание, Джаггернаут пошатнулся и замер. Феникс одним прыжком выбрался через проделанную брешь.

Его серебристый взор пал на силуэт Циклопа, находившегося в одном из углов прорванного строения. Феникс взмахнул лезвием по диагонали и замахнулся на Циклопа.

— Кц, мелкий засранец!

Циклоп выстрелила в ответ, пока Шиден внутри кабины раздражённо цокнула. Она не могла

уклониться, поэтому на уровне инстинктов приняла решение сделать так, чтобы вражеская машина пыталась избежать именно её атак. И как она и предполагала, Феникс двинулся в сторону во избежание попадания под линию огня, из-за чего он не смог разрубить Циклопа пополам. Мгновение спустя по спине Феникса прошла боеголовка, расплосованная на восемь частей.

Ударные волны бронебойно-фугасного снаряда били по жидкой броне и рассеивали её. Однако в то же время Циклоп была срезана от правого пулемёта до задних и передних ног, из-за чего она повалилась на землю.

— Шиден!

— Я в полном порядке... Забудь.

Шин услышал, как Шиден стиснула зубы, вместе с раздавшимся в кабине сигнале о приближении противника.

— Прости, пропустила... Он идёт, сердцеед!

— Поимел нас!.. Шин!

Лена после увиденного тут же побледнела. Он прорвал блокаду. Это было в пределах вероятности. Могильщик, служа в качестве приманки для Феникса, не мог покинуть поле боя даже в случае израсходования боеприпасов. И чтобы лучше определять траекторию врага, им нужно было окружить его таким образом, чтобы в поле зрения всегда находился Могильщик... и поэтому они осознавали связанные с этим решением риски.

У Феникса была слишком невероятная манёвренность, а его специализация – ближний бой. Феникс и Могильщик обладали этими качествами, но Феникс в обоих характеристиках превосходил его. Чудо, что в тот раз Шину удалось вернуться живым.

Но вот сейчас...

Феникс ринулся вперёд, размахивая лезвиями. Могильщик сдвинул две ноги влево и приготовился принять удар.

Столкновение.

Высокочастотное лезвие Могильщика срезало левую часть брони Феникса...

□

...а лезвие Феникса вонзилось в кабину Могильщика, словно в воду.

†

<<Отмена цели по захвату. Балеяг - повержен.>>

<<Подтверждено повреждение внутренней брони. Отсутствие органической реакции - подтверждено. Подтверждаю...>>

†

Губы Лерче исказились в кривой ухмылке. Находясь внутри разрубленной лезвием кабины Могильщика...

— Промазал, кусок ты ржавого металлолома.

□

— Значит, он может различать нас лишь по внешнему признаку, да? По вооружению и персональным меткам, — пробормотал в это самое время Шин, находясь внутри кабины Чайки, находившейся сейчас позади Феникса.

Он поменялся агрегатами с Лерче сразу после отвоевания поверхности, будучи под прикрытием дымовой завесы Дастина.

Шин не мог позволить себе ждать прибытия Файда и пополнения припасов, особенно учитывая скорость Феникса, которая позволяла тому двигаться так, что даже взгляд не мог уследить за ним.

Источником этой идеи были предположение Лены и последующий за ним приказ Вика. Джаггернауты и Алконосты - это оружия разных стран, но в то же время это были фердресы одного поколения, требующие людей или гуманоидов в качестве пилотов. С точки зрения нужной функциональности и эргономики, по сути своей они были более или менее идентичны. В результате, пилотирование другого агрегата не было чем-то невозможным, чего нельзя было бы достичь без нескольких тренировок.

Шин впервые нацелился на Феникса, и прозвучал сигнал о фиксации на цели. Он зажал пусковой триггер, располагаемый в правом рычаге управления, куда автоматически ложился указательный палец - положение, не меняющееся ни в одной системе вооружения.

□

Атака сзади и в упор – полностью неожиданная. Ко всему прочему, лезвие Феникса воткнулось в Могильщика, из-за чего он не был способен двинуться с места. Однако боевые инстинкты машины среагировали молниеносно, отцепив левое лезвие. Почти вся оставшаяся броня собралась в форму анкера, который воткнулся в землю и отвёл тело. Это движение было выполнено быстрее, чем прыжок в сторону или уклонение – он увёл центральный процессор с линии огня.

Мгновением позже кумулятивный снаряд бессмысленно обдал жаром броню Феникса. Кинетическая энергия сбросила оставшуюся жидкую броню, открывая вид на чёрную.

— Тц...

Атака имела практически гарантированный успех, но эта машина всё равно уклонилась. Шин не мог сдержать цоканье от этой абсурдной реакции Феникса. За семь лет боевого опыта он ещё никогда не промазывал с такого близкого расстояния. Но сейчас...

— Освободился наконец от своей брони, идиот?

Кабина Могильщика раскрылась. Механизм выстрелил люком, и изнутри подобно пуле выскочила Лерче. Правой ноги как ни бывало – оттуда сочилась ярко-синяя кровь Сиринов. Используя оставшиеся ноги и руки, она прицепилась к Джаггернауту цвета слоновой кости и, пригнувшись, словно какое-то животное, прыгнула вперёд.

Ртом она держала ножны, из которых правой рукой вытащила меч подобно льву, отгрызающему плоть своей добычи. От лезвия отразился белый снег, а затем оно взвизгнуло и нагрелось.

Высокочастотное лезвие. Оружие, сделанное специально для использования фердресом и не предназначенное для прямого столкновения. Искусственная рука Лерче моментально раздробилась.

— Ха-а-а-а!

Серебряная комета понеслась на Феникса – тот перехватил её взмахом своих лезвий. Сцена, как юная девушка – хотя и созданная – противостоит в рукопашном бою Легиону, была то ли чьей-то ужасной шуткой, то ли кошмаром наяву.

Лезвие Феникса разрубило Лерче в области пояса. Однако ей удалось вонзить свой меч в основание его лезвий и воткнуть его прямо в корпус, прорвав броню. По лезвию пробежал бледно-синеватый свет от чрезмерного тока. Электрические змеи пробежали по мечу, сжигая правую руку Лерче до черноты.

В то же время Феникс вздрогнул, впервые получив повреждения внутренних механизмов.

Лерче безвольно упала на противника, облокотившись на его плечо. Меч и ножны всё-таки упали на землю с пронзительным визгом.

Грохот, источником которого служило закрытие пусковой установки Чайки, раздался в кабине, извещая об успешной перезарядке. Сигнал уведомления оповестил Шина о том, что произошла фиксация на цели.

Тем временем Феникс отсоединил сломанное лезвие. По всему корпусу машины виднелись трещины, из которых текла серебряная жидкость. Он потерял всё своё вооружение и получил тяжёлые повреждения. Этого уже должно быть достаточно, чтобы покинуть свою оболочку. Но прежде чем это произошло, Шин пересёкся взглядом с Лерче.

Зелёные глаза. Даже если ему постоянно повторяли, что она не человек, даже учитывая непрекращающиеся стенания мертвеца, в её глазах горело пламя воли и эмоций, как и у других людей. Её губы задвигались. Внезапно юноша – тот, кто считался ей господином – закричал через синхронизацию:

□

— СТРЕЛЯЙ!

□

Скажи кто-нибудь Шину остановиться, смог бы он не выстрелить? В уголке сознания эта мысль пронеслась у него в голове, но он не осмелился лезть дальше. Тело и сознание Шина, привыкшего к сражениям, на автомате дёрнули пусковой триггер.

□

Выпущенный бронебойный снаряд пробил плечо Лерче, оторвав правую руку, которая затем упала на землю. Кумулятивный снаряд взорвался, выпуская струю в броню Феникса, проникая внутрь и загораясь. А спустя мгновение из чёрного пламени вылетела стая серебряных бабочек, улетающая в заснеженное небо.

□

— Снова сбежал, а. Вот же ж, Легион в этот раз создал нечто поистине столь раздражающее...

Вик вздохнул, уставившись на серое небо. На плечах у него висела противотанковая винтовка. Он находился на одной из наблюдательных башен, соединённой с наземной инфраструктурой базы. Если бы кто-то спросил его мнение, он ответил, что каждая из этих бабочек есть самостоятельный системный модуль. Даже попытавшись уничтожить несколько из них во время побега, чуть позже их всё равно бы воссоздали. Однако проблема была не в этом...

— Зачем Легиону вообще понадобилось идти на такое?

По правде говоря, Феникс – достаточно мощная машина, но с позиции боевой эффективности она в разы уступала тем, что выходили с конвейера. Вместо одного героя, истребляющего множество солдат с помощью меча в руке, гораздо проще создавать несколько тысяч с луком, которые бы истребили десятки тысяч солдат, не подвергаясь ограничению меча. В этом и заключался прогресс вооружения. Безопаснее, быстрее и эффективнее.

Эффективная систематическая машина по истреблению людей.

Особенно это было верно для нынешней эпохи, когда одна пушка могла разрушить базу, где в этот момент находились тысячи людей, а гусеница танка – проехать по бесчисленным пехотным войскам. Поле боя больше не было местом для героев с мечом в руках. И хотя идея геройства, быть может, всё ещё подходила человечеству, но никак не Легиону.

Тактика геройства более не использовалась слабыми. Теперь она принадлежала тем, кто не мог что-либо противопоставить врагу в прямом столкновении, вместо этого выбирая концентрированные атаки, которые бы помешали противнику сражаться. По сути, ударная группа «восемьдесят шесть» была именно таким подразделением с нужным для этого солдатом – безголовым Богом Смерти с восточного фронта.

Сильнейшие, самые закалённые в сражениях, но в то же время малочисленные. Мощная, но драгоценная и редкая серебряная пуля. Последняя надежда человечества, но эта тактика не то, к чему Легион будет стремиться.

Существовала ещё одна важная особенность оружия – его долговечность. В случае, когда Легиону требовалось собрать данные по сражениям, им всего лишь нужно было передать их. Собственно, это они и делали до сих пор. Создав резервную копию, они могли поставить какую-либо машину на конвейер и тогда отдельно взятая единица считалась бы одноразовой. Не было никакого смысла столь ревностно оберегать её.

Инстинкт самосохранения – самая ненужная часть оружия, и Вик просто не мог понять идею, которая легла в основу создания этого типа. Она совершенно не подходила *modus operandi* Легиона по истреблению любого враждебного элемента. Хотя в то же время машины могли иногда приходить к решению за гранью понимания...

В этот самый момент бабочки вдруг изменили свой курс.

— ...М-м?

Бабочки из жидких микромашин, кружащие всего мгновение назад в небе над замком, теперь летели на юг, где лежала территория Легиона, и постепенно снижались.

Что было неожиданным, так это тот факт, что приземлились они достаточно близко. Всего в нескольких километрах от цитадели.

— ...

Прищурившись, он вызвал голографический экран взмахом руки. К счастью, одна из наружных камер всё ещё функционировала и показывала ту область. Изображение захватило Феникса, всё ещё находившегося в эффективной дальности.

Но когда его глаза запечатлели эту сцену, у него перехватило дыхание.

□

После того, как им каким-то образом удалось одолеть Феникса и все остальные машины Легиона, в командном отделении наконец воцарилось спокойствие.

— ...Миризе. А это ещё что такое? — раздался тревожный голос Фредерики. — Южная пятая наружная камера... Что там происходит?

Её кроваво-красные глаза вглядывались в один из экранов, что располагался в углу. Проследив за взглядом девочки, Лена перенесла кадры на главный экран и увеличила изображение.

Затем у неё перехватило дыхание.

□

Шин обернулся, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Палисады за три дня сражений были практически полностью разрушены, из-за чего через промежутки открывался вид на заснеженное поле впереди. В нескольких километрах от цитадели, на незапятнанном девственном снегу, стоял Муравей, чью потрёпанную броню было видно даже с такого расстояния.

□

Как правило, Легион покрывала броня красновато-чёрного цвета, но броня этой машины была белой, словно лунный свет или снег. У неё также не хватало двух пулемётов, что делало её полностью беззащитной на отшибе этого пустынного поля брани.

И всё же в ней ощущалось безмолвное всевластие. Несмотря на общую потрёпанность, она взидала сверху вниз подобно королеве, спустившейся на поле боя.

Вот с чем столкнулось Объединённое королевство – с командующей машиной. Скрываемый пастух внутри оболочки Муравья, сошедшего с первого конвейера производственной линии Легиона, которой уже не должно существовать.

Безжалостная королева.

Стая бабочек, представляющая собой ядро Феникса, порхала вокруг неё, медленно спускаясь вниз. Отряд Динозавров прятался в снегу, словно бы олицетворяя королевскую стражу.

Взгляд Шина зацепился за цветную область на плече Муравья. Полумесяц с лежащей на нём богиней. Персональная метка. Но он никогда не видел, чтобы Легион применял их к себе.

— Зелен!.. — услышал он Вика через синхронизацию.

Очевидно, он также видел эту сцену.

Имя Зелен происходило от Богини Луны – Селена. Быть может, именно это послужило причиной для такой персональной метки в виде полумесяца, а может, в ней был заключён принцип её жизни.

Безжалостная королева повернула свои сенсоры в их направлении. Раскатистые стенания стали громче. Голос женщины, произносящий последние мысли перед смертью. Голос, идеально подходящий тому, какой должен быть у Богини Луны. Холодный, властный и, что самое главное, безжалостный.

Однако...

□

— Я... была хорошей девочкой.

□

Голос ребёнка, пытающегося сдержать слёзы... Надломленный голос, полный отчаяния.

□

— Вот почему я... хотела, чтобы ты вернулся ко мне.

«...Шин.»

В памяти всплыла улыбка его матери.

Они стояли перед дверьми в церковь, которая находилась на краю лагеря для интернированных. Длинные шелковистые волосы были такого же красного цвета, что и у его брата, а её алые, похожие на рубины, глаза были такими же, как и у него. Одета в поношенную форму, никак не подходящую её изящным манерам. Бледная рука провела по его волосам. Он не мог вспомнить, чтобы она хоть раз поднимала на него руку.

«Слушайся своего брата и священника.»

«Будь хорошим мальчиком... Шин.»

Вот что сказала она тогда, улыбаясь. В её глазах была теплота.

Он вспомнил. Вспомнил.

...Он наконец вспомнил. Лицо отца. Голос мамы. Доброго старшего брата. Друга детства – девочку, с которой он играл дни напролёт. Усадьба в Либерте-эт-Эгалите. Исследования отца, а также умного и верного искусственного интеллекта, помещённого в оболочку собаки.

— !..

Правда была в том, что он и не терял их вовсе. Дело не в том, что он не мог вспомнить. Он просто не хотел этого... ведь тогда бы он признал, что никогда не сможет вернуться в тот дивный мир, когда ещё ничего о нём не знал...

Все члены его семьи погибли. Дом, в который он ещё мог вернуться, теперь был не более чем пустой оболочкой. Даже если бы он и вернулся в него, там его уже никто не ждал. Даже если у него получится вернуться в мирное время, он уже не сможет улыбаться столь беззаботно.

В тот миг, когда у него всё это забрали, он узнал о... злобе человечества. О жестокости мира. О его дикости. О подлости. О безжалостности.

Он бы не вынес этого, не признай эти качества в роли основы мира.

Но воспоминания о лицах родителей, теплых сценах из его дома, механизированной собаке вновь стали терять краски и тускнеть. До момента, когда они рассеялись в пыль.

Воспоминания о его семье не были сожжены пламенем войны. Он отбросил их... потому что не хотел испытывать эмоций по отношению к тому, чего ему уже не занять. И больше он не мог отрицать этого факта.

Спустя некоторое время после безмолвного рассматривания людей, белый Муравей отвернулся и начал уходить. Даже её поступь была уникальной для Легиона. Затаившиеся Динозавры поднялись и последовали за ней, попутно стряхивая с себя снег. Они окружили её, словно защищали свою драгоценную королеву, пряча фигуру за массивными корпусами. И в конце стая бабочек бросила на Шина странный взгляд с нотками одержимости, чтобы затем неохотно броситься вслед за колонной.

Безжалостная королева исчезла в снежной темноте вместе со своими слугами... но никто так и не бросился в погоню.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1340497>